

ЖИЗНЬ НА КОНЧИКАХ ПАЛЬЦЕВ.

Красивый и стройный, подтянутый и гибкий, он продолжает выходить на сцену, легким пружинистым движением становясь на кончики пальцев, вытягиваясь в струну, пульсирующий энергией огромного накала, волнами наполняющей зрительный зал, взрывающийся аплодисментами восторга и восхищения с последней вибрацией обнаженного нерва, каковым в танце уже много десятилетий живет Нодар Плиев.

Светлый и чистый, открытый и ранимый, жесткий и бескомпромиссный в профессии к себе и окружающим, своей требовательностью обижающий и легко обижающийся сам, он живет танцем и в танце, ставшем для него и смыслом, и образом жизни.

Нодар Плиев - человек, к которому невозможно относиться равнодушно, о котором на самом деле или хорошо, или всё, что ты о нём думаешь, тем более, что ему самому, как иногда кажется, всегда было всё равно, что о нём говорят, особенно когда речь шла о творческом процессе. Его убежденность в собственной правоте вырабатывалась десятилетиями изнурительного и каторжного труда, работой в лучших танцевальных ансамблях с великими танцорами и уникальными хореографами не только Кавказа и Закавказья.

Ему уже за семьдесят, но вся его жизнь воспринимается бесконечным танцем в поиске новых возможностей тела и духа, приходящего на помощь тогда, когда физические возможности кажутся уже исчерпанными.

Карьера многих талантливейших танцоров, его друзей и коллег давно закончилась. Они или полностью ушли из профессии, или стали вполне успешными хореографами. Но странным, непостижимым образом Нодар продолжает восприниматься ТАНЦОРОМ, дышащим каким-то иным воздухом, который только и делает возможной невозможной для большинства других жизнь.

Он родился в солнечной Грузии, далеко от Южной Осетии, высоко в горах - в Боржоми. Район назывался Гуджарети. Осетины пришли туда ещё в восемнадцатом веке. Первыми как раз и были Плиевы. Дальше идти было уже нельзя – по ту сторону границы была Турция. А по эту сторону в уютнейшем и красивейшем ущелье расположились несколько осетинских сёл. Сегодня не осталось ни одного. То, что не смогли сделать турки, что не получилось у меньшевистского правительства Грузии в двадцатые годы прошлого столетия, получилось в девяностые годы у нового поколения борцов за независимость и счастье одного, титульного народа. Да и некому было защищать сёла – молодёжь покидала их, как и везде, в поисках лучшей жизни.

А она была, лучшая жизнь, казалось бы, ещё совсем недавно среди этих потрясающе красивых гор, в уютнейших и полных удивительных людей сёлах, и Нодар вспоминает о ней с особой, трепетной и нежной, любовью.

В одном из этих сёл с мелодичным названием – Цители-Сопели - и родился Нодар. Простое крестьянское село, как сотни и тысячи таких же сёл по всей

стране, из которых выходили образованные и состоявшиеся люди – учёные, спортсмены, инженеры, работники культуры – настоящая элита Советской страны. Из этих сёл шли мужчины на защиту Родины в годы самой страшной войны. После Победы отец Нодара снял военную гимнастёрку и вернулся к самому естественному для себя образу жизни – труду землепашца. Это было другое поколение людей. Когда отца Нодара, Артёма, спрашивали о его отношении к Сталину, он отвечал, что им не понять. Смерть вождя на самом деле стала для этого поколения настоящей трагедией. Нодар помнит себя пятилетним мальчишкой в 1953-ем году, когда он теревил отца, спрашивая его, почему все вокруг плачут, хотя в селе никто не умер.

Нодар рос босоногим Маугли на склонах окружающих гор и холмов с ватагой своих сверстников. Это было абсолютно счастливое и беззаботное время. Без множества вещей и предметов, отсутствие которых вгоняет нынешних детей в уныние. Много лет спустя он узнал, что есть такая замечательная штука – велосипед. Но ему так и не суждено было научиться ездить на нём. Зато он великолепно держался в седле – и это умение и по нынешним временам будет покруче.

На всю жизнь Нодар сохранил благодарность своим родителям и людям, его окружавшим. Именно им он обязан всем хорошим в себе. Первой его начала учить танцевать тётя, Полина Григорьевна. Спустя годы, он шутя упрекал её, что она «испортила» ему жизнь. У тёти Полины было не меньшее чувство юмора, и она отвечала ему: «Чтобы я дожила до твоих похорон! Ведь я же вывела тебя в люди». Сам он никогда не думал, что танец станет его профессией, его судьбой. Даже тогда, когда отец заставлял его танцевать, он воспринимал это чуждым.

В эти годы Нодар «заболел» авиацией. Лётчики были тогда главными героями его детства. Он взахлёб читал книги о них. Но не только. В школьной библиотеке было много книг на осетинском языке ещё на латинице. Он перечитал их все. Любил слушать осетинские песни. Любил историю и откапывал книги, в которых хоть что-то было по истории Осетии. Его завораживал осетинский костюм и, глядя на единственного в селе старика, у которого была черкеска, он мысленно давал себе обещание, что и у него будет точно такая же.

И всё же авиация притягивала больше. В те годы все мальчишки хотели быть лётчиками. После школы Нодар прошёл строжайший отбор медицинской комиссии, которая из двух больших районов признала годными лишь двух ребят – его и ещё одного парня, грузина Майсурадзе. Их документы были уже в Ейском высшем авиационном училище, оставалось только получить аттестат зрелости. И тут вмешались «добрые» люди, которые стали говорить отцу Нодара: «Куда ты отпускаешь своего сына. У тебя самого с войны не вернулись два брата, а сколько людей ещё остались там». И отец категорически запретил сыну идти в училище. В те странные времена даже подумать невозможно было, что отцу можно возразить. Нодар плакал, ему казалось, что вся его жизнь пошла прахом. Какая разница теперь,

куда идти. Военкомат оштрафовал его на пятьдесят рублей – по тем временам большие деньги.

Отец привёз Нодара в Цхинвал. Поступить учиться в Тбилиси или Гори и тогда было трудно. В Цхинвале Нодар стал студентом исторического факультета. Это было последнее, что он сделал по воле отца. Потом жизнь понесла его как щепку по волнам, и Нодар сам уже не всегда мог понять, что происходит с ним по его воле, а что результат игры случайных обстоятельств.

Учёба особо не кормила, а есть хотелось всегда. Вот и подрабатывал Нодар на заводе, сколачивая ящики. Где-то на дороге между институтом и заводом и повстречался он однажды с Хазби Гаглоевым, художественным руководителем ансамбля «Симд», Заслуженным артистом Грузинской ССР, оказавшимся к тому же дядей по матери – мама была Гаглоева. Хазби намётанным глазом увидел в стройном подтянутом парне то, что только настоящий профессионал и мог увидеть. «Придёшь завтра сюда», - сказал он и показал на здание Осетинского театра. Какой театр, какой ансамбль, я и ходить-то толком не умею – стал возражать Нодар. Для него и Цхинвал, где он впервые увидел асфальт, был тогда покруче Парижа. А Хазби продолжал ходить вокруг Нодара, начинавшего ощущать себя бычком на базаре, к которому присматривается и приценивается опытный покупатель.

После бессонной ночи Нодар встал, собрал книжки и пошёл в ... ансамбль. Зайдя в танцевальный зал, он так в нём и остался. Было это в сентябре 1967-го года. Институт был заброшен. Родные и близкие оставались в святом неведении о первых самостоятельных шагах в жизни их сына. А он продолжал делать их с юношеской уверенностью, что именно они и ведут его к успеху.

Полтора года Нодар танцевал в ансамбле «Симд», и тут в Цхинвал приехала Альбина Баева. Она стала вторым человеком, который увидел истинный талант Нодара, и восхитилась им. Альбина позвала его в Орджоникидзе, и он, опять никому ничего не сказав, включая на этот раз и военкомат, уехал с нею.

Увы, её восхищение талантом Нодара не разделил тогдашний художественный руководитель ансамбля «Алан» Хаджисмел Варзиев, который сказал, что ему не нужны южане, и Нодар уехал в Нальчик. Там его взяли сразу, и последующие полгода он танцевал в «Кабардинке», пока не стало известно о брошенной учёбе. Нодара забрали в армию. Только находясь в учебке, он наконец-то написал письмо отцу, поведав ему о всех своих приключениях.

Четыре года на Северном флоте, подводное плавание. Но и там он не забывал о танце. В Союзе ширилась слава Сухишвили, гремела «Лезгинка». Там танцевали многие ребята из Орджоникидзе, и Нодар переписывался с ними.

Закончив службу в 1972-ом году, он сразу уехал в Махачкалу. Приняли его очень тепло, и можно было бы танцевать в «Лезгинке» годы и годы, если бы

не вдруг возникшие проблемы. Сказывалась многонациональность коллектива.

В Орджоникидзе к тому времени Хаджисмела Варзиева на посту художественного руководителя ансамбля «Алан» сменила Жанна Кабоева, железная леди осетинской культуры. Нодар стал солистом одного из лучших танцевальных коллективов Советского Союза. Очень тепло отнёсся к молодому танцору и тогдашний министр культуры Осетии Ужегов Солтан Евгеньевич.

Это было золотое время национальной осетинской хореографии. Впрочем, то же самое можно сказать о всей осетинской культуре, частью которой был и ансамбль «Алан». Нодар Плиев стал его солистом в 1973-м году. За год до этого открылся Музыкальный театр, в котором блистали совсем ещё молодые Долорес Билаонова, Юрий Бацазов, Елкан Кулаев, Эмилия Цаллагова, Виктор Дзуцев, Мария Котолиева, Аза Мисикова и многие другие. Писали музыку Илья Габараев, Христофор Плиев, Феликс Алборов, Дудар Хаханов, Резван Цорионти, Татаркан Кокойты, Борис Галаев ... В Осетинском театре на сцену выходили поистине великие актёры – Бало Тхапсаев, Коста Сланов, Исак Гогичев, Серафима Икаева, Варвара Каргинова, Владимир Балаев, Юрий Мерденов, Уарзета Бекузарова, Николай Саламов, Маирбек Икаев, Урузмаг Хурумов, Коста Бирагов, Бимболат Ватаев... В 1981-м Агунда Кокойти создаёт при филармонии хоровой коллектив, который буквально за несколько лет становится желанным гостем в любой точке огромной страны.

Нодар танцевал в «Алане» с 1973-го по 1984-й. Ему было у кого и чему учиться. И он жадно впитывал в себя увиденное, вбивал в мышцы многочасовыми репетициями малейшие нюансы, казалось бы, давно известных танцевальных па, которые и отличали обычного крепкого профессионала от настоящего мастера.

«Алан» того времени действительно был уникальным и элитным коллективом. Жесточайший отбор, высочайшая требовательность, многочасовые изнурительные репетиции и бесконечные гастролы по стране и за рубежом. Солист ансамбля «Алан» уже было почётным званием. Это действительно было время блистательных танцоров. Зоя Гониева, Лиля Дзукаева, Алик Хасиев, Диляра Карсанова, Мурат Кануков, Борис Есенов, Казбек Гариев, Галина Касаева, Казбек Тотоев, Земфира Калоева, Елена Засеева, Зарема Богова, Людмила Хабаева, Зелим Козаев, Герой Созаев, Таймураз Булацев, Заур Тотиков, Ирбек Туаев, Ахсар Цахилов, Нодар Плиев и, конечно, Альбина Баева.

Уникальность Альбины Баевой в том, что она смогла выделиться и на фоне этих феноменальных танцовщиков. Несколько лет назад я вступил в полемику с человеком, который утверждал, что не талант помог Альбине, а протекция чиновников, того же Ужегова. Допустим, что чиновники выделяли Альбину. Всё равно стоит вопрос – за что?! Я сужу по своим ощущениям и оценкам. По той реальной, а не навязанной любви огромного числа людей, для которых Альбина и сегодня - символ женской красоты и выдающегося

таланта. Она продолжает завораживать этой полуулыбкой поднимающихся и тут же опускающихся как бы от смущения глаз. И это тоже часть танца.

На сцене где-то в Англии или Голландии протекция чиновника любого ранга теряет всякое значение. Да, может быть, дома при распределении неких благ, званий, лучшее купе в поезде и номер-люкс в гостинице, но только не на сцене, когда человек просвечивается самым мощным рентгеном – тысячеглазым монстром зрительного зала. Это он создаёт истинную славу и имя артисту, это он ниспровергает обвешенного орденами и званиями действительно любимца какого-нибудь чинуши.

Альбина Баева была великой танцовщицей природой собственного огромного дарования. Как ни странно, чёрно-белая плёнка особенно подчёркивает это. Можно бесконечно смотреть на её фотографии – её потрясающая улыбка говорит о ней больше любых слов.

В 1977-ом она сама стала художественным руководителем ансамбля «Алан». Это при ней в 1978-ом на Всероссийском смотре ансамблей песни и пляски он удостоивается первой премии и звания лауреата. В следующем, 1979-ом, становится лауреатом Государственной премии им. К. Л. Хетагурова. В 1983-м коллектив признан лучшим среди театрально-зрелищных учреждений СССР. А в 1985-м получает диплом 12-го Международного фестиваля молодёжи и студентов в Москве.

Для Нодара Альбина Баева всегда была чем-то большим, чем друг, партнёр, коллега, руководитель. При огромной требовательности к себе и другим, он, может быть, увидел в ней тот самый идеал высочайшего мастерства, в котором безупречность техники оставалась обязательным базовым началом, но главным было нечто иное, что можно называть душой, вдохновением, божественным наитием, которые все вместе и создавали фантастический танец Альбины Баевой. То, к чему сам Нодар и стремился всю жизнь.

Вот это стремление к совершенству и делало Нодара человеком непростым, сложным в отношениях с другими. Оно не всегда воспринималось правильно, скорее высокомерием, премьерством, зазнайством. Тонкая организация актёрской души давно стала общим местом. Обиженный и оскорблённый артист способен на многие подвиги. И не только на сцене. Закулисье подобно дремлющему вулкану, который может рвануть в любой момент. «Алан» всегда славился выдающимися хореографами, художественными руководителями. Один Хаджисмел Варзиев чего стоит! Но ни один из них, пожалуй, не ушёл просто так. За каждым уходом стояли склоки, обиды, интриги, коллективные письма к руководству.

Та же судьба ждала и Альбину Баеву. Уже к 1984-му году обстановка в коллективе стала накаляться. Появилось письмо-обращение с требованием убрать Альбину Баеву. Нодар отказался его подписывать в свойственной ему эмоциональной манере. Ему чётко дали понять, что он стал чужим. Он приезжал на работу на своей машине, а после репетиции обнаруживал её со спущенными шинами.

Альбина Баева предложила ему поехать в Грузию. Он метался и никак не мог принять решение. Уехал на полтора месяца в Москву в ансамбль

«Берёзка», которым руководила Народная Артистка СССР Мира Михайловна Кольцова. Она знала Нодара не только со слов Альбины и очень тепло встретила его, а он рассказывал ей о происходящем на родине. Мира Михайловна предложила ему остаться в «Берёжке», но он так же внезапно исчез, как и появился.

Нодар вернулся в Орджоникидзе, и Альбина буквально настояла, чтобы он уехал в Тбилиси, в Академию танца Сухишвили и Рамишвили.

Сама она ушла из «Алана» в 1985-м. Сорокачетырёхлетняя Народная Артистка РСФСР. Сильная, стойкая и ... ранимая.

Прошло совсем немного времени, и на базе филармонии она создаёт свой собственный коллектив «Арт». Очень быстро он вышел на первые позиции, и искушённый зритель начинал со знанием дела сравнивать его с «Аланом», тем более, что в самом «Арте» выступала целая группа бывших алановцев, пришедших прежде всего к Альбине.

Уже тогда выделялись в новом ансамбле Жанна Базаева, Ирина Тогоева, Зарина Хубаева. Они были великолепны в сольных танцах, а взгляд выделял и выхватывал их в любой массовке. И в «Арте», и в другие годы своей творческой жизни они были сценическими партнёрами Нодара Плиева. Разговаривая со многими о нём, я понял, что это было делом не только почётным, но и очень сложным, зная о его высочайшей требовательности.

Увы. Пережитые потрясения не прошли для Альбины бесследно. Тяжёлая болезнь подкосила её, и в 1993-м году Альбины не стало.

После неё ансамбль «Арт» возглавил Омар Хубаев, который привёл за собой лучших танцоров «Алана» и театра «Нарты». Их с Нодаром связывала крепкая дружба и творческое единомыслие ещё со времён Сухишвили. Сегодня Омар руководит прекрасным ансамблем «Нартэби», популяризирующим осетинский танец. После его ухода и до последнего дня детища Альбины им руководил Сергей Шавлохов.

На рубеже 90-х и начале 2000-х «Арт» стал, пожалуй, лучше «Алана». Это становилось секретом полишинеля не только для простого зрителя. Визитную карточку республики решили укрепить. Спасительным посчитали слияние больного организма со здоровым. В результате больной не стал здоровым, но и здоровый исчез ... совсем.

Но это было потом. А в 1984-м Нодар приехал в Академический Ансамбль народного танца Грузии, которым руководили два крупнейших хореографа мирового уровня – Илья Сухишвили и Нино Рамишвили.

Нодара прекрасно приняли. Ему доверили принять участие в торжествах по случаю 150-летия Серго Орджоникидзе. На новичка обратили внимание, а он понял, что судьба вновь подарила ему шанс искать идеал в танце. Всегда требовательный к себе, он вдруг увидел, что планка может быть ещё выше. Даже если ты стоишь в четвёртом ряду, тебе не позволят танцевать в полноги – и прежде всего на репетиции. И не Рамишвили с Сухишвили следили за этим, а твои партнёры, которые за пределами репзала и сцены могли быть твоими лучшими друзьями, готовыми поделиться с тобой последним, но в работе они не позволяли расслабиться ни на четверть па. Ни сплетень, ни

козней, ни подстав. Удивительный аристократизм танца и простота человеческих отношений.

И если поначалу Нодар учился у «старших» ансамбля, то скоро начали учиться у него. А он всё время учился у Нино Рамишвили и Ильи Сухишвили (Сохиев). Они никогда не делили людей по национальному признаку – только профессионализм и преданность делу. Иначе и не могло быть в многонациональном ансамбле.

Нино прожила долгую и счастливую жизнь. Она пользовалась непререкаемым авторитетом. Небольшого роста, она потрясала ощущением огромной и уникальной личности. Любой приближавшийся к ней по какому-то внутреннему искреннему порыву преклонял перед ней колени.

Нино Шалвовна часто говорила с Нодаром, что само по себе было признаком признания и похвалы. Однажды она с Сухишвили вызвали Нодара в кабинет. Там находился солист ансамбля Цховребов, незадолго до этого поменявший фамилию на Цховребаури. Они его как раз за это и отчитывали. А взрослый мужик стоял потупив голову, как нашкодивший мальчишка. Тихим, но достаточным для понимания драматичности ситуации голосом Нино говорила: «Потом скажут, что мы силой заставляем кого-то это делать».

Уникальнейшая женщина, способная в свои преклонные годы показать сложнейшие танцевальные движения и мальчикам, и девочкам, приводя их в восторг и трепет. При этом часто она усиливала показ отборным матом, что воспринималось естественной частью творческого процесса. Однажды она запустила в Аслана Кабисова туфлём, чуть не пробив ему голову. Он был великолепным танцором. Его называли «летающей тарелкой», но пристрастие к выпивке смазывало очень многое.

Когда к Нино Ремишвили пришли люди от Гамсахурдия, чтобы спросить её об отношении к нему, она указала им на дверь: «Вон отсюда». Стоявшие рядом танцоры думали, что их сейчас поставят к стенке и расстреляют. Но авторитет этой женщины был настолько огромен, что никто не рискнул что-то предпринять против неё. Единственное, отобрали кооперативный дом, в котором должны были получить квартиры солисты ансамбля, включая Нодара.

Поражало Нодара и трепетное отношение к ветеранам. Их помнили, им помогали, о них говорили, превращая «стариков» в живые легенды.

Одним из любимейших танцев в ансамбле был «Симд». Коллектив из двухсот человек, а на самой большой сцене могли поместиться не более двадцати четырёх пар. И артисты мечтали попасть в число этих пар.

Тогда любили осетинские танцы и мелодии, не пытаясь их выдать за свои.

И всё же Нодар вынужден был уйти, когда начались открытые столкновения между грузинами и осетинами.

Ансамбль возвращался с гастролей из Аргентины. Нодар подошёл к Нино Рамишвили. Была уже глубокая ночь. Нино курила и пила кофе. Нодар объяснил ситуацию, и Нино расплакалась. Она понимала, что настал такой момент, когда уровень ненависти уничтожил влияние любого авторитета.

Из Москвы ансамбль полетел в Тбилиси уже без Нодара. Он приехал во Владикавказ и пришёл к Альбине Баевой. Она предложила ему свободу выбора. Сама она уже тяжело болела, и ей было трудно руководить даже созданным ею коллективом.

Нодар уехал в Абхазию, где протанцевал три года, а потом вернулся в Тбилиси. На концерте в Гори его подозвала Нино Рамишвили и сообщила, что умерла Альбина Баева. Для всех это стало потрясением, и ансамбль вернулся в Тбилиси, чтобы на следующий день поехать на похороны великой женщины. Утром выяснилось, что Альбину уже похоронили. Нодар спросил, когда получили телеграмму. – Позавчера. – Ну, у нас хоронят через день после смерти. Коллектив отпустили на неделю в знак уважения замечательной танцовщицы и хореографа.

В 1998-м году Нодар вернулся в Осетию. Ему было пятьдесят лет. В тридцать, в 1978-м, он стал Заслуженным Артистом РСФСР. В сорок, в 1988-м, Заслуженным Артистом Грузинской ССР.

Человек-легенда, способный и в свои пятьдесят перетанцевать молодых и очень талантливых, он почувствовал себя одиноким и никому не нужным. Он пошёл в конный театр, в филармонию. Но в 2003-м, спустя десять лет после смерти Альбины Баевой, её детище, ансамбль «Арт» «слили» ... Объединили с «Аланом» с целью поднять упавший уровень последнего. Упавшего не подняли, а твёрдо стоявшего на ногах уронили.

Для Нодара наступили сложные времена. Появились проблемы в личной жизни. Семь лет он скитался по съёмным квартирам. Боль заглушалась извечным русским способом. Вытащила его из ямы, в которую, как ему казалось, он погружался безвозвратно, мама. Что-то остановило его на самом краю.

Он уехал в Турцию, где три года работал в абхазском коллективе. Организовал его один миллионер. Приглашали Нодара хореографом, но, увидев, как он танцует, попросили и танцевать. Слава о нём быстро облетела Стамбул.

И всё же это был не совсем профессиональный коллектив, зависевший от разных привходящих моментов. Когда он распался, Нодар снова вернулся на родину. Многие были переосмыслены, многое передумано и переоценено. Он вернулся к самому себе. Дом не казался уже таким неласковым и несправедливым.

В 2008-м году, 10 и 11-го июля, по инициативе Казбека Кудзаева и Зелима Ватаева, при поддержке фамилии Плиевых в концертном зале СОГУ при полном аншлаге отмечался 60-летний юбилей Нодара Плиева. На него приехали друзья и коллеги из разных концов бывшего Советского Союза. Это были два потрясающих вечера объяснения в любви к великому танцовщику и, на самом деле, очень скромному человеку.

А он, слушая комплименты, принимая подарки, как бы удивлялся происходящему – неужели эти все слова обо мне, неужели эти цветы, подарки, аплодисменты мне?!

Закрылся занавес, и потекло седьмое десятилетие бесконечных репетиций, выступлений, бескомпромиссной борьбы с самим собой в стремлении сохранить прежнюю гибкость и танцевальную технику. Его много и часто приглашали выступать на правительственных мероприятиях и различных корпоративах. Порой слышалось: «Как, Нодар танцует на свадьбах?!» А он отвечал: «Возмутитесь лучше размером моей пенсии».

Но главным для него было и остаётся – не халтурить. Наблюдал его пару-тройку лет назад после выступления. Люди собирали вещи и уходили, а он постелил коврик в гримёрке и продолжал разминать мышцы ног. Было ему под семьдесят, и не чувствовалось, что он собирается покончить с профессией танцовщика.

В 2015-м он начал работать в ДК с. Октябрьское, руководит детским танцевальным коллективом. В 2017-м создаёт «Школу танцев Нодара Плиева» в г. Беслан. В 2019-м основал АНКО по развитию культуры и искусства «Фонд Нодара Плиева».

Педагог, хореограф и всё равно танцовщик. Он не может спокойно сидеть и давать указания со скамейки. Каждый его урок - это не просто показ отдельных танцевальных па, техники, рисунка танца, это продолжение его собственного танца, без которого не состоялась бы его жизнь, без которого он сам не смог бы жить. Танец как жизнь, и жизнь как танец. Жизнь на кончиках пальцев.

Эдуард Дауров

6-8-е июля 2020 г.